

Выборы 1929 г. в Советы Центрально-Черноземной области

Саран Александр Юрьевич

Орловский филиал РАНХиГС
Старший научный сотрудник
Кандидат исторических наук, доцент
asaran1958@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируется выборная кампания 1929 г. в местные и центральные Советы в СССР на областном уровне на примере Центрально-Черноземной области. На материалах архивов и рассекреченных опубликованных документов анализируется борьба вокруг выборов между группами населения и региональными элитами с привлечением политической полиции. Делается вывод, что партийно-государственный аппарат к началу 1930-х годов постепенно берет под свой контроль общество.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Советы, избирательное право, выборы 1929 г., Центрально-Черноземная область, политическая борьба, ОГПУ

Saran A. Yu.

Elections to the Councils of Central Black Earth Region at 1929

Saran Alexander Yurievich

Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation)
Senior researcher
PhD in History, Associate Professor
asaran1958@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyzes the election campaign of 1929 in the local and Central Soviets in the Soviet Union at the regional level on the example of Central Black Earth Region. On materials of archives and published documents examines the struggle over the election between social groups and regional elites with the involvement of the political police. It concludes that the party-state apparatus by the early 1930s gradually taking control of society.

KEYWORDS

Soviets, election law, election campaign of 1929, Central Black Earth Region, politic struggle, OGPU

Прошлое нашей страны продолжает оставаться дискуссионным полем. Если экономические достижения СССР поддаются количественному учету и проблемы возникают лишь с их истолкованием, то политическая система, при всей изученности системы государственных органов власти, поддается различным трактовкам с точки зрения ее функционирования. Сторонники концепции тоталитаризма утверждают о господстве управленческого аппарата, «авторитаристы» сводят ключевые тенденции развития страны в 1920–1950-е годы к особенностям личности И. В. Сталина, историки, отражающие тенденцию общественного сознания к идеализации прошлого, как правило, с целью критики настоящего, отстаивают стереотипы советской пропаганды о демократии нового типа, сформированной в Советском Союзе. Для подтверждения или опровержения любых концепций в целом или их от-

дельных сторон требуются детальные исследования конкретно-исторического материала.

Одним из центральных вопросов в проблеме наличия или отсутствия демократических черт в советской политической системе является оценка роли Советов, органа власти, давшего само название Советскому Союзу. Как справедливо замечает д. и. н. П. А. Меркулов, к середине 1930-х годов «органы представительной власти — Советы находились под полным контролем партийных органов» [1, с. 334]. Однако еще на рубеже 1920–1930-х годов ситуация была иной, рассмотрим ее на примере кампании по проведению выборов 1929 г. в одном из крупных регионов СССР — Центрально-Черноземной области (ЦЧО), которая была образована объединением четырех губерний в 1928 г. и ликвидирована в 1934 г.

Население СССР на рубеже 1920–1930-х годов в отличие от последующих десятилетий расценивало местные Советы как реальные органы власти. Одним из свидетельств этому может послужить тот факт, что по случаю перевыборной кампании в местные и центральные Советы в регионах создавались группировки избирателей. Так, из 80 организованных групп, зафиксированных ОГПУ в ноябре 1928 г. в Советском Союзе накануне перевыборов, 70 были созданы именно для участия в предвыборной борьбе, причем, одна из них действовала на территории Центрально-Черноземной области.

Сельские Советы были органом, наиболее близким населению, работники аппарата сельсоветов были востребованы местными жителями. Вероятно, это стало одной из причин явления, отмеченного чекистами, когда с началом активизации государственной политики в деревне к концу 1920-х годов, по наблюдению сотрудников ОГПУ, «среди некоторой части нынешнего состава работников низового соваппарата отмечается стремление уйти с советской работы по мотивам трудности работы в связи с проведением ряда ударных кампаний на селе, перегруженности советской работой и в то же время низкой зарплаты. Подобные настроения вызываются также боязнью восстановить против себя односельчан»¹. В частности, в общегосударственной информационной сводке ОГПУ за ноябрь 1928 г. подобные настроения были отмечены и в сельсоветах Козловского округа ЦЧО. Показательно, что эти настроения появились в период хлебозаготовительного кризиса в стране, послужившего одним из поводов к «коренному перелому» жизни в Советском Союзе.

Согласно гл. 6 Конституции РСФСР 1925 г., избирательное право в республике не было всеобщим. Хотя оно снимало разнообразные цензы, существовавшие в царской России — оседлости, пола, расы, вероисповедания и т. п., но определяло возрастное ограничение — 18 лет, и давало позитивные характеристики избирателей — «добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом» или военнослужащие. А вот ст. 69 перечисляла многочисленные группы населения, которые лишались избирательных прав, их еще называли «лишенцами». К этой категории политически неполноправного населения относились следующие жители страны: использующие наемный труд, живущие на нетрудовой доход, торговцы и посредники, профессиональное духовенство, бывшие сотрудники полиции, жандармерии, Охранного отделения и других карательных органов царской России, душевнобольные и отбывающие наказание за корыстные или порочащие преступления.

Очевидно, что ряд категорий лишенцев, определенный ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г., имел вполне определенные границы, такие, как отбывающие наказание по приговору суда, лица, признанные медиками умалишенными, священники-профес-

¹ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 6. 1928 г. М. : ИРИ РАН, 2002. С. 582.

сионалы или бывшие служащие карательных органов прежнего режима. А вот остальные категории имели весьма расплывчатые границы, в частности, в период НЭПа занятие торговлей в условиях индивидуального крестьянского хозяйства было просто частью экономического цикла, что позволяло любого крестьянина или ремесленника, сбывающих свою продукцию, отнести к торговцам. То же касается и наемного труда, даже в середняцком хозяйстве требовались дополнительные руки для производства сезонных работ, причем объективно определить, извлекалась ли при этом прибыль или нет, было невозможно. Поэтому право определять лишения было предоставлено местным избирательным комиссиям по собственному усмотрению.

Эти права избиркомов были еще более расширены декретом ВЦИК «Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съезда Советов» от 26 ноября 1926 г., который определял трудовое крестьянство как «земледельцев», но дополнительно лишал избирательных прав земледельцев-продавцов скота, а также крестьян владельцев маслобоен, крупорушек или мельниц, на которых использовался наемный труд, и земледельцев, которые сдавали в аренду сельхозмашины или скот¹.

Люди расценивали лишение избирательных прав как серьезное наказание, так, в с. Васильевка Львовского округа ЦЧО «на почве лишения избирательных прав совершен поджог двора члена избиркома» [3, с. 48]. Отметим, что поджоги в качестве формы выражения протеста традиционно используются не только на протяжении истории нашей страны, но и в других странах, достаточно вспомнить еще недавно пылающие пригороды Парижа.

Многие граждане СССР в конце 1920-х годов еще надеялись использовать выборы в Советы для обеспечения влияния населения на эти низовые органы власти. Крестьянин из Калачеевского района ЦЧО в ноябре 1928 г. говорил, что «в настоящую перевыборную кампанию необходимо избрать того, кого пожелает население, а не коммунистов-дураков. Если перевыборы будут проходить так, как в прошлом году, то это ни больше, ни меньше, как очередная кукольная комедия»².

А порой крестьяне на местах даже брали проведение избирательных кампаний в свои руки. В феврале 1929 г. ОГПУ сообщало высшему руководству страны, что на хуторе Ковыльный Россошанского округа ЦЧО «кулацкая группировка, проделав солидную подготовку, провела досрочно перевыборы сельсовета, оформила перевыборы протоколом, не поставив об этом в известность избирком, а когда представители последнего явились, им было заявлено: «Поезжайте обратно, мы уже переизбрали сельсовет»³. Конечно, результаты этих самостоятельных выборов были немедленно аннулированы избиркомом.

Конечно, Советы не были идеальным органом власти, в них самих и в их работе отражались как особенности политической культуры нашей страны, так и региональные особенности, общественные настроения, состав местных политических элит и многие другие факторы. Так, в первом квартале 1929 г. на территории Орловского округа ЦЧО сотрудники окружного отдела ОГПУ направили в вышестоящие органы сводку о состоянии преступности в государственном аппарате, причем 71 сообщение о выявленных преступлениях из общего количества 244, касалось сотрудников сельсоветов (29%) и еще 37 (15%) — сотрудников других советских учреждений, включая волостные и районные исполкомы. Было раскрыто 4 случая

¹ Собр. законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 75, отд. 1. С. 889.

² «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) С. 582.

³ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Т. 7. 1929 г. С. 110.

хищений, 13 незаконных обложений налогами, 31 раз были зафиксированы избиения, пьяные дебоши, случаи хулиганства со стороны работников Советов, 36 совработников, по мнению чекистов, полностью не соответствовали занимаемой должности, более того, 21 работник Советов был обвинен в антисоветской деятельности или агитации. В результате 36 совработников были сняты с работы, еще 12 — преданы суду, в отношении 12 человек материалы были переданы в окружную Контрольную комиссию ВКП(б), было проведено 17 внеплановых ревизий, 14 сельсоветов было распущено, а одно совучреждение реорганизовано. Правда, 12 из 108 сообщений чекистов (11%) не подтвердились, что ж, результативность в 89% можно признать высокоэффективной, а информацию органов ОГПУ — достоверной.

Перевыборная кампания 1928–1929 гг. позволяет наиболее отчетливо увидеть состояние сельских Советов накануне «великого перелома» в жизни деревни, который наступит с началом сплошной коллективизации, объявленной И. В. Сталиным 27 декабря 1929 г.

Поскольку органы ОГПУ являлись наиболее информированной структурой в стране, воспользуемся рассекреченными к настоящему времени документами чекистов, в частности, «Итоговой докладной запиской Орловского окротдела ОГПУ о результатах перевыборной кампании по округу» с грифом «Сов. секретно», отправленной 24 апреля 1929 г. в Постоянное представительство ОГПУ по ЦЧО в Воронеже.

Прежде всего в документе была проанализирована отчетная кампания сельсоветов. «Отчетные собрания происходили в большинстве под лозунгом критики и самокритики. Явка избирателей происходила в зависимости от подготовки того или другого с/с, в среднем же доходила от 35% до 78%. Особенно активна была беднота. Из отчетных докладов с/с было видно, что старый состав с/с недостаточно обращал внимания на массовую работу, так секции, существовавшие при с/с были неработоспособны, в некоторых с/с их совершенно не было. Во время отчетной кампании во многих с/с выявлены растраты средств самообложения, сумм, собранных по госстрахованию и сельхозналогу. В других же с/с было выявлено искажение классовой линии при проведении учета и начисления сельхозналога и в оказании материальной помощи крестьянству. Некоторые из середняков указывали на тяжесть положения крестьянства, отсутствие достаточного снабжения деревни предметами первой необходимости, указывали на бюрократизм и казенное отношение к работе некоторых членов с/с. «В наш сельсовет надо идти за справкой, нужно запастись хлебом, а то скоро не дожدهшься», — говорит середняк из Урицкого района; или: «Когда не придешь в наш сельсовет, никого не застанешь, то председатель за дровами уехал, то секретарь на базар — приходится день ждать для того, чтобы получить справку о регистрации ребенка», — говорит середняк Дмитровского района. Кулачество недочеты в работе советских органов старалось использовать через своих подпевал и подкулачников с целью положить черное пятно и скомпрометировать работу советских организаций и отдельных работников. Кулацкие подпевалы говорили: «Вот вы слушаетесь партию, выбираете в совет по рекомендации, а они (партийцы) этим пользуются и нас же мучают» (слова подкулачника Бунинского с/с Урицкого района)»¹. Сами кулаки не могли присутствовать на отчетных собраниях сельсоветов, поскольку были лишены избирательных прав.

Следующим этапом проведения перевыборов стало создание избирательных комиссий. Орловские чекисты сообщают, что «к 10 декабря 1928 г. избиркомиссии были организованы по всем сельским советам. Вопрос об организации избиркомиссий первоначально обсуждался на группах бедноты, где и намечались кандидатуры, после чего вопрос ставился на общих собраниях»². Стоит отметить, что

¹ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 1.847-с. Оп. 1. Д. 1. Л. 283–284.

² Там же. Л. 284.

группы бедноты были организованы повсеместно только к выборам, ранее, как отмечалось в документе, «группы бедноты к моменту перевыборной кампании были организованы только в некоторых с/с, работы никакой не вели и числились только на бумаге»¹. Здесь возникает вопрос о роли первичных ячеек компартии, отсутствие в документе информации о них заставляет предположить, что или структуры компартии еще не охватили всей территории, либо коммунисты предпочитали действовать именно через бедноту.

«По социальному составу избирательные комиссии состояли в большинстве из бедняков и середняков, в тех с/с, где не было достаточного руководства со стороны групп бедноты и прикрепленных уполномоченных, в состав избиркомиссий прошла незначительная часть подкулачников, были отмечены факты наличия в избиркомиссиях лишенцев и зажиточных. В Кутафинском с/с Кромского района избирательная комиссия была избрана из большинства подкулачников, в состав входили сын бывшего старшины и лишенец, имеющий предприятие. Принятыми мерами через соответствующие органы, засоренные избиркомиссии, были распущены и после вновь организованы»². Как видим, в механизме проведения выборов появляются новые действующие лица — «прикрепленные уполномоченные». А отмеченные в документе факты борьбы вокруг состава избирательных комиссий между отдельными слоями крестьян позволяют предположить, что компартия еще не владеет ситуацией полностью, она не везде может работать на опережение, но уже умеет уверенно и оперативно исправлять собственные недоработки.

О сохранении некоторых элементов демократии можно говорить и в связи с описанием самой процедуры выборов. Если во второй половине XX в. советские люди приходили на избирательные участки для того, чтобы опустить заранее подготовленный бюллетень с именами кандидатов в депутаты в урну, причем число мест равнялось числу претендентов, то в 1929 г. голосование проходило открыто, поднятием руки на общих выборных собраниях, причем кандидатов выставляли и обсуждали здесь же односельчане. Вот как описывают орловские чекисты эти события: «Явка избирателей на перевыборные собрания доходила до 80% общего количества избирателей. Кандидатуры выставлялись от групп бедноты, парторганизации и союза сельхозработных. Выставленные кандидатуры обсуждались оживленно, в большинстве в состав с/с проходили лица, рекомендованные от перечисленных выше организаций. В отдельных избирательных участках кандидатуры, выставленные от партийно-общественных организаций, были провалены организованным сопротивлением зажиточных и подкулачников, особенно было заметно обострение в некоторых сельсоветах против кандидатур бедноты, «беднота выставляет лодырей на нашу шею, чтобы сосать нашу кровь, нужно выдвигать в члены с/с людей тружеников, чтобы могли нами руководить», — говорили подкулачники и зажиточные. Имея незначительный успех, зажиточные и подкулачники продвинули в с/советы по Малоархангельскому и Новосильскому районам своих людей. По нашей [чекистов — А.С.] инициативе постановлением РИКа эти перевыборы были отменены, и при новых выборах уже не было допущено первоначальных ошибок»³. Вновь мы видим, как набирается опыта по управлению обществом коммунистическое государство.

В документе описаны все этапы выборной кампании 1928–1929 гг.: «во всех городах, исключая Орла [так в тексте — А.С.], перевыборы Советов проходили оживленно. Явка избирателей колебалась между 45–75%, заметно было участие женщин. Перевыборы Советов в Орле прошли с некоторыми недочетами, гориз-

¹ Там же. Л. 283.

² Там же. Л. 284.

³ Там же. Л. 285.

бирком в перевыборном плане предусмотрел совместное избирание депутатов как от организованного, так и неорганизованного населения, в результате чего 6 перевыборных собраний было сорвано и выборы назначались вторично. Районные съезды Советов прошли под углом критики и самокритики, доклады РИКов резко критиковались, выступающие делегаты подмечали недочеты в работе РИКов по всем отраслям, очень много уделялось внимания выступающих на слабость землеустройства в деревне, отсутствие правильного руководства Советами и т. п. Окружной съезд Советов, происходивший в апреле с. г., в своем составе имел 263 делегата, из них женщин 47 человек, по социальному положению было на Съезде рабочих 78 человек, батраков 22 человека, служащих 38 человек, остальные крестьяне. По партийности: членов ВКП(б) и кандидатов присутствовало 186 человек, комсомольцев 11, лиц, принадлежащих к другим партиям, выявлено не было. Отчетный доклад о проделанной работе, составленный окрисполкомом, совершенно не охватил рост и развитие кулацких хозяйств, т. е. проявил себя в правом уклоне. Перевыборная кампания в 1929 г. всколыхнула и оживила все сельские и городские прослойки¹.

«Живо» проходил и сам съезд Советов Орловского округа ЦЧО. «При обсуждении кандидатов в новый состав окрисполкома и на Всероссийский съезд Советов на заседании фракции ВКП(б) съезда получилось два лагеря, причем одни стояли против председателя окрисполкома Павловского², обвиняя его в грубости, необразованности и по партлинии. В состав окрисполкома прошли лица, проверенные на низовой советской работе и преданные делу. На Всероссийский съезд советов 2-м окружным съездом было избрано 11 делегатов, из них 7 человек партработников окружного и районного советского аппарата, проверенные на низовой работе, и 4 человека с мест»³. Небезынтересно отметить, что один из четверых был секретным информатором ОГПУ, фигурировавший в других документах чекистов под оперативным псевдонимом, или, как тогда говорили, «под кличкой».

В 1928 г. наряду с сельскими Советами в Центрально-Черноземной области существовали еще и сельские сходы, институт, созданный еще при проведении реформы 1861 г. для оживления крестьянской общины. Община пережила все российские революции начала XX в. и укрепилась в годы НЭПа. Деятельность этих органов власти была узаконена положением 1927 г. «Об общих собраниях (сходах) граждан в сельской местности». Однако с началом сплошной коллективизации сходы грозили стать механизмом сопротивления деревни против насилия извне. В соответствии с положением 1927 г. право разрешать сходы находилось у местных Советов. Под давлением сверху сельские Советы блокируют сходы, а в 1929 г. пытаются заменить их сельскохозяйственными производственными совещаниями при сельсоветах. Но эта форма оказалась нежизнеспособной, и в 1930 г. при сельсоветах появляются группы бедноты и батрачества, а все остальные слои сельского населения лишаются органа управления, альтернативного Советам [2, с. 35–36].

О том, что к 1929 г. политическое руководство страны в лице ВКП(б) еще не полностью контролировало положение на селе, можно судить по результатам ра-

¹ Там же. Л. 285–286.

² Павловский Петр Ильич (1891–?). Родился в Замостье Люблинской губ., член РКП(б), нач. ПУР Петроградского военного округа (02-04.1921); нач. ПУР Орловского военного округа (04–11.1921); пом. нач. ПУР РККА (11.1921–?); нач. ПУР МВО; член РВС Туркестанского фронта (14.7.1924–05.12.1925); председатель Орловского окрисполкома (07.1928–01.1929), нач. строительства Горьковского пивоваренного завода (?–1938). В 1938 г. арестован. Приговорен к 8 годам лишения свободы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/person2.php?news=form&st=1233173369> (дата обращения: 12.11.2016).

³ ГАОО. Ф. 1.847-с. Оп. 1. Д. 1. Л. 286.

боты избирательных комиссий в Орловском округе ЦЧО: «Основная работа избирательных комиссий сводилась к выявлению лиц, подлежащих, согласно Конституции, лишению избирправами. Успешность и правильность работы в этой отрасли во многом зависела от социального состава избиркомиссий и уполномоченных по перевыборам. Благодаря отсутствию должного руководства некоторыми с/избиркомиссиями не были лишены избирправами лица, подлежащие согласно Конституции лишению, как то: кулаки, быв. торговцы, чины полиции и жандармерии. В некоторых же с/с избирправами были лишены все старики от 60 лет и старше»¹.

Таким образом, мы видим, что выборная кампания 1928–1929 гг. в местные, региональные и общегосударственные Советы на территории Центрально-Черноземной области стала одним из центральных событий общественно-политической жизни региона. Она сопровождалась реальной политической борьбой между различными группами населения и местными партийно-государственными элитами, а также между различными группировками названных элит. В ходе проведения выборной кампании власти активно использовали органы ОГПУ для организации информационной работы. Основным инструментом управления выборами выступали избирательные комиссии. Все это позволяет говорить, что выборы 1929 г. не были простой формальностью, Советы рассматривались населением как орган реальной власти, а партийно-государственная элита должна была прилагать определенные усилия для навязывания собственной политики.

Литература

1. Меркулов П. А. Исторический опыт разработки и реализации государственной молодежной политики в России (вторая половина XIX в. — начало XXI в.). Орел : издательство ОФ РАНХиГС, 2014.
2. Саран А. Ю. Власть и общественные организации в Центральной России. 1928–1934 гг. М. — Орел : Изд. ОГАУ, 2003.
3. Саран А. Ю., Гулярян А. Б. Деятельность органов ГПУ-ОГПУ в Омском Прииртышье и Орловском Поочье (1922–1934 гг.). Орел : Изд-во ФГБОУ ВО Орловский ГАУ, 2015.

References

1. Merkulov P.A. *Historical experience in the development and implementation of state youth policy in Russia (second half of XIX century — beginning of XXI century)* [Istoricheskii opyt razrabotki i realizatsii gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossii (vtoraya polovina XIX v. — nachalo XXI v.)]. Orel : Publishing house of Orel branch of RANEPa [izdatel'stvo OF RANKhiGS], 2014. (rus)
2. Saran A.Yu. *Power and social organization in Central Russia. 1928–1934* [Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Tsentral'noi Rossii. 1928–1934 gg.]. M. — Orel : Publishing house OGAU [izd. OGAU], 2003. (rus)
3. Saran A.Yu., Ghularyan B.A. *The activity of the organs of the GPU-OGPU in the Omsk region and Orlovsky Pooch'e (1922–1934)* [Deyatel'nost' organov GPU-OGPU v Omskom Priirtysh'e i Orlovskom Pooch'e (1922–1934 gg.)]. Orel : Publishing house of the Orel State Agrarian University [Izd-vo FGBOU VO Orlovskii GAU], 2015. (rus)

¹ Там же. Л. 284.